

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ-
КОМПОЗИТОРОМ? ЕЛЕНА ГУТИНА
БЕСЕДУЕТ С КОМПОЗИТОРОМ
ГАЛИНОЙ ГОРЕЛОВОЙ

Елена
Гутина

Академическая музыка имеет долгую историю. На ее страницах запечатлено множество имен выдающихся композиторов. Однако вплоть до середины XX в. среди них встречались лишь эпизодические женские фигуры, которые были редкими исключениями и подтверждали общее правило, — сфера профессионального композиторского творчества была закрыта для женщин. В послевоенные годы женщины-композиторы заявили о себе, их постепенно становилось все больше, но тем не менее пол автора оставался решающим для оценки творческих достижений. Коренным образом ситуация стала меняться лишь к концу XX в.

Последние несколько лет на страницах изданий, посвященных современной академической музыке, ведется полемика о релевантности самого понятия *женщина-композитор*. Высказываются мнения, что оно устарело и более не имеет смысла, так как в современном западном обществе в целом решена проблема равенства возможностей творческой реализации в сфере академической музыки для мужчин и женщин¹. С этим можно соглашаться или спорить, но невозможно отрицать тот факт, что за последние десятилетия произошли колоссальные изменения. Сложно себе представить, но еще в 1978 г. композитор Аарон Копланд

1 См.: Amy Beth Kirsten. The 'Woman Composer' is Dead. *newmusicbox.org*. 19.03.2012. www.newmusicbox.org/articles/the-woman-composer-is-dead/; Alex Ross. Even the Score. *Newyorker*. 29 April 2013. www.newyorker.com/magazine/2013/04/29/even-the-score?currentPage=all; Lisa Hirsch. Lend Me a Pick Ax: The Slow Dismantling of the Compositional Gender Divide. *newmusicbox.org*. 14.05.2008. www.newmusicbox.org/articles/lend-me-a-pick-ax-the-slow-dismantling-of-the-compositional-gender-divide/ (посещение 24.07.14).

мог открыто заявить, что у женщин есть врожденная неспособность к написанию крупных сочинений. Это было возможно в такой стране как США еще 35 лет назад. На постсоветском пространстве еще до недавнего времени можно было наблюдать подобные проявления сексизма.

Мне как женщине-композитору молодого поколения важно понять, как в «закрытом» советском обществе женщины боролись за свое право на творчество и профессиональную реализацию, с какими трудностями они сталкивались. Современное белорусское общество сохранило многие черты общества советского образца. Ситуация постепенно меняется, но через опыт предыдущих поколений можно увидеть, какое наследство мы получили от ушедшей эпохи, оценить, какой путь по направлению к реальному гендерному равенству уже пройден, и сколько еще нашему обществу нужно пройти и преодолеть.

Творческая биография ведущей белорусской женщины-композитора Галины Гореловой показательна: она достигла профессионального успеха в условиях советской действительности, которая мало способствовала творческой реализации талантливой женщины. Препятствия, которые ей пришлось преодолеть на пути к своей цели, во многом сформировали ее взгляд на проблему женской творческой реализации.

Елена Гутина

Галина Константиновна Горелова родилась в Минске. Окончила в 1977 г. Белорусскую государственную консерваторию по классу Дмитрия Смольского, продолжила учебу в ассистентуре у Анатолия Богатырева, и на мастер-классах Юрия Фортунатова (Московская государственная консерватория). Профессор, преподает композицию и музыкально-теоретические дисциплины в Белорусской государственной академии музыки (БГАМ). В 1992 г. за кантату «Anno mundi ardentis» на стихи поэтов XX в. она получила Государственную премию Республики Беларусь. Сочинения Галины Гореловой исполняются не только на родине, но и за рубежом (США, Италия, Германия, Чехия, Словения, Польша, Украина, Россия). С 2013 г. заведует кафедрой композиции БГАМ.

Елена Гутина: Расскажите, как Вы пришли к занятиям музыкой?

Галина Горелова: В детстве я очень много читала. Интересно было все: русская и западноевропейская классика, сказки народов мира увлекали меня до взрослого возраста. В них меня очаровывали рефрены, повторения, их образность. Вообще в художественных текстах меня привлекала их музыкальность, музыка слов. Я всегда обожала поэзию. Могла часами стоять в книжных магазинах и перелистывать сборники стихов. Так однажды набрела на книжечку Ли Цин Чжао, китайской поэтессы XI в., через ее стихи мне по-новому открылся мир творческой женщины. До сих пор эта книжечка у меня самая любимая. Начав сочинять, я сразу же помешалась на этом занятии и не представляла для себя ничего другого. Поступив на подготовительное отделение Белорусской государственной консерватории, я была счастлива! Пожалуй, такой же счастливой я была, только когда родился мой сын. Профессор настоятельно рекомендовал мне поступать на первый курс в Ленинград, но я для себя такую возможность даже не рассматривала.

Е.Г.: Почему так сложилось?

Г.Г.: Я очень привязана к этому месту, к Беларуси. Можно как угодно относиться к правительству, но для меня есть понятие родины и патриотизма. Причем, не ура-патриотизма, а простого понимания: вырви меня из этой почвы — и я погибну. Кроме того, я восхищалась своим профессором и не хотела учиться ни у кого другого. Много было и друзей-исполнителей. Мы тогда были счастливы — в лучшем виде исполняли наши произведения!

Е.Г.: Каким было отношение к студенткам и женщинам-композиторам во время Вашей учебы?

Г.Г.: В целом, отношение было очень снисходительным, был и большой отсев. Конечно, никому не запрещалось поступать, но предпочтение явно отдавалось мальчикам. Эдди Моисеевна Тырманд была первая наша женщина-композитор, она меня восхищала всем своим обликом. В ней человеческое достоинство ощущалось как ни в ком другом. Эдди Моисеевна

была для меня примером женской творческой реализации, а я была готова пройти через все, только бы остаться в этой профессии. В те годы девочек на композиторском отделении училось немного, но и к ним многие профессора не скрывали своего снисходительного отношения.

Е.Г.: В чем это проявлялось?

Г.Г.: Некоторые профессора относились откровенно негативно. Например, звучали такие высказывания: «Женщине не нужно делать две вещи: водить машину и писать партитуру». Подчеркивалось, что призвание женщины — это камерность, это миниатюра, музыка для детей. Женщине отказывали в масштабности мышления. И со стороны ребят отношение было аналогичное. Меня это преследовало всю жизнь.

Когда Союз композиторов был жив, а не мертв, как теперь, все выдвижения на звания, на премии проходили через общие собрания, через правление. Тогда, прежде чем обсуждать мое творчество, говорили: «Как, бабу выдвигать на премию?». Так прямо открыто и высказывались, не в лицо, правда, но разговоры такие до меня часто доходили. Мне все время приходилось что-то доказывать. Любому одаренному человеку всегда приходится доказывать, что он чего-то стоит. Даже Шостакович, перед гением которого я преклоняюсь, каждый день доказывал, что он талантлив, что он Шостакович. Ну а перед женщиной задача стояла еще сложнее.

Есть, правда, и другая сторона. Иногда бывает, мне не очень нравится мое сочинение, я понимаю, что оно не получилось. Саму себя ведь не обманешь. И я вижу — я женщина, и в своих суждениях коллеги-мужчины меня жалеют, боятся обидеть, выбирают мягкие формулировки. Они проявляют большую чуткость. Но это, в общем, оборотная сторона той же медали. Повзрослев и поумнев, я поняла, что все эти стереотипы заложены в глубинах сознания.

Выдающиеся женщины-исполнительницы были всегда — знаменитые певицы, инструменталистки. А вот женщин-композиторов было очень мало, буквально единицы за всю музыкальную историю. Я безмерно восхищаюсь Гражиной Бацевич, Марией Шимановской. Талант не имеет пола, а

вот распоряжение этим талантом — безусловно. У мужчин культурой настолько сформировано мнение, что творчество — это их вотчина, что они очень болезненно воспринимают вторжение в эту вотчину. Мне однажды сделали комплимент после премьеры: «Это так хорошо написано, что даже как будто и не женщина писала». Меня не хотели обидеть, а искренне восхитились.

Е.Г.: Какие пути решения этой проблемы Вы для себя видели?

Г.Г.: Что с этим делать? Только работать и только доказывать. Я выбрала этот путь, мне он кажется самым правильным.

Е.Г.: А какова ситуация в современной Беларуси?

Г.Г.: Это довольно сложный вопрос. С одной стороны, в какой-то мере ушло снисхождение. На отделении композиции сейчас учатся преимущественно девочки. Но с другой — сколько из них заканчивает обучение и остается в профессии? Единицы. Многие по-настоящему талантливые студентки уходят, выбрав семью. Пока ты учишься, над тобой есть преподаватель, который требует результатов, есть экзамены и зачеты. А когда ты заканчиваешь учебу, ты предоставлена сама себе и своему выбору. Мальчики, конечно, тоже уходят в другие сферы, но скорее по причине непрестижности и невостребованности этой профессии в нашей стране. И это, как мне кажется, общая проблема, как для мужчин-композиторов, так и для женщин. К сожалению, это наша белорусская реальность. Очень важно в жизни, я считаю, угадать свое предназначение. Главное, чтобы у женщины был выбор, чтобы она могла реализоваться таким или иным образом. Сейчас, как мне кажется, выбор есть.

Е.Г.: Есть ли в этом заслуга феминизма?

Г.Г.: Да, конечно. Но в большей степени, как мне кажется, это заслуга тех женщин, которые стали пребывать непосредственно в своей профессии. Возможности современной женщины сложились из множества усилий отдельных женщин, которые доказывали своим примером, своей жизнью, что

женщина ничуть не уступает мужчине ни по творческому потенциалу, ни по каким-либо другим параметрам. У нас, к сожалению, пока все не так, как на Западе. Изменения происходят, но нужно делать поправку на нашу специфику — у нас всегда все позже и трудней.

Е.Г.: Как Вам удавалось совмещать роль матери и активную творческую деятельность?

Г.Г.: Мне постоянно приходилось выбирать. Я очень хотела делать творческую карьеру, были различные поездки на фестивали и т.д. Я была очень занята собой, своей музыкой. Очень помогала мама, это был мой посох, на который я всегда могла опереться. Ее помощь просто неоценима.

Моя любимая тема — про Еву и Лилит. Мне очень хотелось их «в одном флаконе» соединить, сочетать. И, наверное, подсознательно вся моя жизнь была этому посвящена. Если бы я была замужем, это было бы просто невозможно. А так у меня оставалась какая-то часть энергии, ресурсов для того, чтобы себя реализовать. Я понимала, что у женщины, которая выходит замуж, наполовину уменьшаются права и наполовину возрастают обязанности. А если она будет своим характером разрушать мужа, то и себя тем более. Сколько себя помню, я никогда не мечтала о замужестве. Есть такие вещи, которые ты не можешь преодолеть, они в твоей голове. Может показаться, что я плохо отношусь к мужчинам, но это неправда — мне не за что к ним так относиться, многие из них мне помогали в жизни. Просто я вокруг себя ничего не видела, кроме пяти линеек нотного стана. Вся моя молодость — это шоры из этих пяти линеек.

Е.Г.: Возможности творческой реализации для мужчин и женщин уравниваются, где-то быстрее, где-то медленнее. Как Вам кажется, остаются ли у мужчин преимущества и в чем они заключаются?

Г.Г.: Если говорить о нашем постсоветском обществе, то здесь в профессиональной сфере остается гораздо больше мужчин, так как у женщин слишком много отвлекающих моментов в жизни. Женщина постоянно терзается: может быть, она

бы достигла большего, выбрав семью? София Губайдулина² говорила, что для нее нет ничего интереснее, чем блуждать по тропинкам своей души. Для меня же этот выбор всегда был непрост: я всегда мучилась мыслью, правильный ли выбор я сделала и не лишила ли моего сына чего-то очень важного. У нас мужчины избавлены от необходимости мучительно выбирать и приносить свою личную жизнь в жертву искусству. В этом их счастье.

² София Губайдулина — одна из крупнейших женщин-композиторов второй половины XX в., родилась в СССР, живет и работает в Германии.